
Борис ГОЛОВИН

* * *

Игорю Меламеду. In memoriam

...Если говорят «житейское море»,
то ведь можно сказать «житейское небо»?

Наталья Хаткина

Воробей мне пропел про босую судьбу.
Мне бы воздуху твоего, воробей.
Я рукой своей лёгкой пожитки сгребу
и с тобой упорхну, воробей.

В пиджачке и в манишечке, как у тебя,
чей-то хлеб стану красть, воробей,
и, голодной душонкой весь мир невзлюбя,
я о жизни спою, воробей.

Заведу я подругу себе, воробей,
всё навру ей про небо и дом,
и в сердечко её никогда, воробей,
не вгляжусь кособоким зрачком.

Только к людям в окно запорхнув, воробей,
с тёмным пятнышком ветра во лбу,
я, быть может, отчаянный мой воробей,
напою им иную судьбу.

1983

* * *

В небе над Москвою, в вышине,
так что не увидишь ни в бинокль,
ни в кулак, ни в телескоп (во сне,
может, кто-то, испустивши вопль,
вдруг увидит) в головах народов
среди клякс, подтёков и разводов,
среди птичек, тучек и дождя,
между запятых, тире и точек,
между солнцем и луною, ни гвоздя,
ни прищепки даже не найдя —
сам собою держится крючочек,
мировых ветров презрев поток:
а на нём висят, чтоб было страшно,
с золотым околышем фуражка
(козырьком копируя восток)
да колючей проволоки моток.

Борис Головин родился в 1955 году в Свердловске. Учился в МГУ и Литературном институте им. Горького. Живет в Новой Зеландии.

ТАЙНАЯ ИЗМЕНА

Вдруг износились все слова, и я, как лживый школьник,
утомляюсь повторять беспрестанно
одну и ту же ересь про якобы выученные уроки.
Объявить же вдруг обо всём невозможно:
скажут, взял да сошел вот с ума,
в общем, что-то с парнем не то, и кому нынче верить?
Задуманное оставляется, потому что никто не поймёт.
И вот вместо жизни — подозрительная легенда,
вроде затверженного всеми спектакля, где я плаваю в тексте,
но всё же первую скрипку играю, спасая других.
И холодная скрипка моя слишком нежно поёт.

ДРУЗЬЯМ

Где остыло живое варево
из запутавшихся голов,
из расхристанных душ, из марева
века прошлого в патоке слов —

вы уехали, или умерли,
или просто сошли с ума,
и спустились такие сумерки,
что сбывлись и сума, и тюрьма,

где жируют бездушные, подлые,
крохоборы, зануды, скопцы,
змеи явные и подколенные,
дети язвы, позора отцы.

Не страшась уж ни чёрта, ни ладана,
спутав даты календаря,
судят-рядят: рябого ли надобно
иль плешивого им царя?

Ну а те, кто судьбой нелепою
свято место исправно блюдут,
пахнут нефтью и пареной репою
и в друзья меня всё зовут.

* * *

Салтыков-Щедрин,
Салтыков-Щедрин,
ты, как встарь, один —
сам себе господин,
резвых мыслей слуга.

А в твоём Монрепо
уж сто лет сельпо,
не пройдёшься по... (эх, чёрт!)
вязнет в луже нога.

Под твоим крыльцом
пьяный Ванька спит,
в грязь уткнувшись лицом,
бродит в снах молодцом;

он с утра не брит,
глаз его подбит,
но зато уж твой сплин
чужд ему, господин
Салтыков-Щедрин.

2006

В тот год, призвав на помощь всех святых,
ступив во мрак рывком последней воли,
идя ва-банк, шепча заветный стих
про долги наши, я, душою тих,
не чувствовал ни ужаса, ни боли,
познав такую человечью тьму,
в которой ни надежд, ни упований
среди мёртвых звёзд... И вот всё не пойму:
в том лабиринте лживых умолчаний —
что было мне огнём, где нет огня,
из ямы той — что вывело меня?
Отягощён я тьмою новых знаний.
Но может (рассудив при свете дня),
не что — а кто? Полна душа мечтаний.

ЖУК

Когда меня гнетёт забота —
тоска, крамольная тоска,
меня придавливает кто-то,
как в плен попавшего жука.

Как жить, когда тебя без спроса
переворачивают так
и кровью цвета купороса
небесный пачкают верстак?

В сомненьях страшных и постылых
я предаю себя ножу,
священный ужас стынет в жилах,
без сил, поверженный, лежу

и думаю: как он огромен,
мой великан — мучитель мой! —
вот эти пальцы толще брёвен,
вдруг ставшие моей тюрьмой.

За что я отдан великану —
мечтательному палачу,
что ждать: в безвременье ли кану
или свободу получу? —

наступит час, свершатся сроки,
и эта страшная рука
подбросит в воздух одинокий
вдруг надоевшего жука.

Так, значит, вовсе не случайно,
что не влекут меня в полёт
ни помыслы мои, ни тайна,
ни синевы опасный лёд:

мне нужен кто-то очень близкий,
лежащий рядом на спине,
придавленный, как я, и низкий,
родной до боли нужен мне.

А этот великан — он тоже,
как обомлевший в страхе жук,
во власти чьих-то рук, похоже —
огромнее огромных рук.

И крест один нам предназначен,
и там, в зеркальной синеве,
мы об одном с восторгом плачем,
сплетаем речь в одной молве.

* * *

Кроме голоса живого своего,
я обязан не бояться ничего.

Кроме голоса — чтоб он свободно пел,
чтобы, черни потакая, не хрипел.

Чтобы вовсе не страдал он, а звучал
и концов не перепутал и начал.

Чтоб он резал и железо, и алмаз,
чтоб летел и чтобы в тленном не увяз.

Потому что знаю: там, на небесах,
уважают только этот храбрый страх!